

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ АПРѢЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Динамитно-анархическая эпидемія и самоуправленіе, П. М. Драгоманова. — 2) Уничтоженіе Ново-Александрійскаго института. — 3) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, VII. З. С. — 4) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». V. Письмо А. И. Герцена къ Ю. О. Самарину. VI. Письмо Ю. О. Самарина къ А. И. Герцену. — 5) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи, X. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе), Н. Жебунева. — 6) Новѣйшіе подходы къ соціальному вопросу, III. Крестьянское движеніе въ Германіи, Аггус. — 7) Земская Хроника, III. Земство и администрація въ экономическихъ вопросахъ, О. В. — 8) Извѣстія и замѣтки: Евангеліе и кабатчики въ Кіевѣ. — Изъ Петерб. полиг. процесса. — Поправки газетныхъ извѣстій. — Польско-украинское воззваніе къ избирателямъ въ Галиціи. — «Подпольная Россія».

ЖЕНЕВА, 15 апрѣля 1883 г.

Обращаясь къ разсмотрѣнію явленій такъ называемаго динамитно-анархической эпидеміи въ южной Франціи, мы должны прежде всего постараться разсѣять хоть нѣсколько туманъ относительно слова — анархія, существующій въ массѣ публики, столько же благодаря реакціоннымъ истолкователямъ новѣйшаго социалистическаго движенія, сколько и нѣкоторымъ изъ теперешнихъ соціальныхъ революціонеровъ, присвоившимъ себѣ имя анархистовъ. Реакціонеры, напр., называютъ безразлично всѣхъ социалистовъ анархистами, въ томъ числѣ, напр., и государственнаго коммуниста Гэда, журналъ котораго, Egalité, какъ напомнили мы въ 54 №, самъ приравнивалъ анархистовъ къ буржуазіи, обѣщая, въ моментъ революціи, принудить ихъ къ молчанію, — такъ же, какъ и буржуазію. По словамъ реакціонныхъ журналовъ, какъ русскихъ такъ и заграничныхъ, выходитъ, что и русскіе „террористы-народновольцы“, — сторонники политической централизаціи, — тоже анархисты. Съ другой стороны, нѣкоторые сторонники приложенія динамитнаго террора въ соціальной борьбѣ въ западной Европѣ, видя, что эти русскіе народновольцы употребляютъ динамитъ и политическія убійства для своихъ цѣлей, тоже провозглашаютъ ихъ своими единомышленниками, анархистами. Въмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые западные анархисты-динамитчики выводятъ свою родословную отъ Прудона. Между тѣмъ Прудонovo ученіе объ анархіи не имѣетъ ничего общаго ни съ русскимъ народновольствомъ, ни съ тѣмъ ученіемъ социалистическаго терроризма,

которое нѣкоторые публицисты и ораторы пробовали излагать и на французскомъ языкѣ. Со старымъ французскимъ политическимъ „народновольствомъ“, или якобинствомъ, Прудонъ боролся изъ всѣхъ силъ всю свою жизнь, — да и новѣйшій социалистическій терроризмъ, принимаемый многими за анархизмъ, опять таки гораздо ближе не къ Прудону, а къ той помѣси якобинства съ социализмомъ, которая представлялась въ свое время Бланки и которая, далекая отъ ученія объ ан-архіи или без-власти, потому только постоянно проповѣдывала нападенія на существующія власти, что сама желала захватить власть въ свои руки.

Прудонovo ученіе объ ан-архіи, — въ отличіе отъ монархіи, пан-архіи, или коммунизма, и демократіи (унитарной), — высказанное бѣгло еще въ 1840 г. въ мемуарѣ „Qu'est-ce que la propriété?“, обстоятельно изложено имъ въ книгѣ „Du principe fédératif“. Здѣсь Прудонъ переводилъ слово ан-архія словомъ self-government, самоуправленіе. Практическое осуществленіе этого самоуправления, — примиреніе началъ авторитета и свободы, — Прудонъ видѣлъ (при личной свободѣ) въ федерации коммунъ, кантоновъ и провинцій, весьма подходящей къ швейцарскому политическому строю, — основы котораго, федеральный договоръ 1848 г., Прудонъ часто цитируетъ для поясненія своихъ идей. — Какъ социалистъ, Прудонъ только дополняетъ чисто-политическое швейцарское самоуправленіе планами федерации экономической, земледѣльческо-промышленной. Какъ теоретическій противникъ коммунизма съ его „нераздѣльностью власти, какъ и въ монархіи“, и какъ практическій человѣкъ и французъ, т. е. сынъ страны, въ которой большинство рабочаго населенія — крестьяне-собственники, Прудонъ представлялъ себѣ экономическія федерации въ видѣ организаціи взаимнаго обезпеченія, — кредита, страхованія, порученія исполненія подрядовъ на общественныя нужды союзамъ рабочихъ и т. д. Этотъ mutualisme и garantisme politico-économique Прудонъ считалъ осуществимымъ только въ политической федерации и высшимъ выраженіемъ федерализма. Понимая слово революція въ широкомъ смыслѣ прогрессивнаго движенія (собственно эво-

люція), Прудонъ вовсе не настаивалъ непременно на насильственномъ разрушеніи теперешнихъ государствъ и теперешняго экономического порядка — и говорилъ, въ концѣ первой части названной книги, слѣдующее: „всѣ мои экономическія идеи могутъ резюмироваться въ трехъ словахъ: федерация земледѣльческо-промышленная. Всѣ мои идеи политическія сводятся къ подобной же формулѣ: федерация политическая или децентрализація. И такъ какъ я не дѣлаю изъ моихъ идей орудія партіи, ни средства для удовлетворенія личнаго самолюбія, то всѣ мои надежды отъ настоящаго и будущаго выражаются въ третьемъ терминѣ, соответствующемъ первымъ двумъ: федерация прогрессивная“ *).

Идеи Прудона подхвачены были между прочимъ и Бакунинымъ, который съ большимъ талантомъ развивалъ ихъ, — особенно отрицательную ихъ часть (критику большихъ централизованныхъ государствъ), — и прикладывалъ ихъ къ дѣламъ странъ, — которыхъ мало касался Прудонъ, — германскихъ и славянскихъ (см. между прочимъ многія мѣста въ книгѣ на русскомъ языкѣ „Государственность и Анархія“). Но Бакунинъ присоединилъ къ ученію Прудона множество такихъ вещей, которыя самому Прудону показались бы дикими и которыя таки и были дикими, въ прямомъ смыслѣ слова, т. е. варварскими. На бѣду, съ Бакунинымъ судьба сыграла странную игру: потому ли, что

*) Да собственно понятіе объ ан-архіи, какъ о без-власти, и исключаетъ принципиальный культъ революціи, какъ насильственнаго переворота, такъ какъ послѣдній неизбежно предполагаетъ захватъ и сохраненіе власти нѣкоторымъ меньшинствомъ (пускай, и передовымъ); большинство же въ насиліи не нуждается, а просто устраняется, какъ хочетъ; осуществленіе же и сохраненіе социалистическаго идеала не мыслимы безъ проникновенія имъ большинства, — почему собственно социалистъ и не можетъ имѣть культа революціи, который имѣли старые государственныя дѣятели, и въ этомъ отношеніи онъ неизбежно является ан-архистомъ. Такимъ образомъ ученіе объ ан-архіи въ политикѣ отвѣчаетъ ученію объ эволюціи въ естествознаніи и социологіи, какъ ученіе о монархіи отвѣчало религіозному единобожію (съ чудесами въ природѣ), а ученіе о революціи — философскому деизму (съ катаклизмами въ природѣ). Само собою, что теорія эволюціонная не исключаетъ въ крайнихъ случаяхъ возстанія противъ прямаго насилія, которое проявляется преимущественно въ области политики со стороны государственной власти.

года, Октябрь). Поэтому планы гр. Толстого, возобновленные теперь г. Побѣдоносцевым, относительно предоставленія народных школъ въ руки духовенства, сводятся прямо къ фактическому уничтоженію мужицкаго просвѣщенія, — и у гр. Толстого, вообще довольно хорошо ознакомленнаго съ нашимъ духовенствомъ, эти планы, заявленные въ 1866—1867 гг., были ничѣмъ инымъ, какъ сознательнымъ планомъ такого уничтоженія въ угоду крѣпостникамъ, восторжествовавшимъ въ высшихъ сферахъ послѣ Караказовскаго покушенія.

Нѣсколько лѣтъ министерство гр. Толстого боролось съ земствами по вопросу объ учительскихъ семинаріяхъ, учрежденіе которыхъ оно старалось всячески не допустить (ипыя, напр. Полтавская, такъ не открыты до сихъ поръ). Когда же, благодаря прусскимъ побѣдамъ, всю Европу облетѣла фраза о томъ, что побѣды эти доставилъ не столько гр. Мольтке, сколько «прусскій школьный учитель», и когда удерживать долѣе открытіе учительскихъ семинарій въ Россіи стало невозможнымъ даже и для гр. Толстого, тогда онъ постарался по крайней мѣрѣ отнять ихъ изъ рукъ земствъ, которыя дали на нихъ средства. Отсюда произошелъ новый рядъ столкновеній министерства съ земствомъ и всяческихъ инкашъ со стороны первого, которыя кончились между прочимъ закрытіемъ черниговской земской семинаріи.

Но въ первый періодъ борьбы министерства съ земскими начинаніями въ пользу народнаго просвѣщенія, хоть и ставились преграды расширенію школьнаго дѣла, но по крайней мѣрѣ существовавшія уже народныя школы могли дѣйствовать болѣе или менѣе безпретѣсно. Тому отчасти помогало дѣйствіе Положенія о народныхъ училищахъ 1864 г., — собственно странный компромиссъ между бюрократическимъ принципомъ, клерикальными попонизованіями и интересами земской школы, — по которому, по сравненію съ послѣдующими узаконеніями, а особенно Положеніемъ 1874 г., земства теперь вспоминаютъ съ сожалѣніемъ. Положеніе 1864 г., устроившее губернскіе и уѣздные училищныя совѣты изъ представителей вѣдомства нар. просвѣщенія, минист. внутреннихъ дѣлъ, земствъ (по два члена), а въ уѣздахъ — и городовъ (по одному чл.) съ председательствомъ въ губернскомъ совѣтѣ архіерея, — передавало реальное завѣдываніе нар. школами въ руки уѣздныхъ совѣтовъ, въ которыхъ председатели были выборные и въ которыхъ два члена отъ земства среди уѣздныхъ чиновниковъ съ однимъ духовнымъ могли стать фактическими распорядителями народныхъ школъ, какими они и были тамъ, гдѣ въ эти представители попадали люди просвѣщенные и предавшие дѣлу. Эти то люди, изъ которыхъ иные извѣстны и литературы, и были основателями народнои школы въ Россіи.

Въ 1869 г. учреждены были инспектора нар. училищъ по одному на губернію. Въ 1871 г. министерство нар. просвѣщенія подкалываетъ Положеніе 1864 г. посредствомъ Инструкціи этимъ повозаведеннымъ инспекторамъ народныхъ школъ. По инструкціи этой, инспекторамъ между прочимъ предоставлено самодержавное право надъ учителями и наставниками, право устраниать ихъ съ дове-

деніемъ о томъ до свѣдѣнія подлежащаго вѣдомства или лицъ, отъ которыхъ зависить окончательное ихъ увольненіе (§ 10), — а по отношенію къ училищнымъ совѣтамъ они поставлены въ положеніе своего рода прокуроровъ, которые могутъ остановить всякое рѣшеніе совѣта съ перенесеніемъ дѣла на усмотрѣніе въ высшую инстанцію попечителя округа. Новый «институтъ» школьныхъ урядниковъ не замедлил показать себя на дѣлѣ, — и уже въ 1873 г. послѣдовало, по представленію одного изъ нихъ, г. Дружинина, закрытіе земской техн. школы въ Ржевѣ, — за неисполненіе земской управой требованія попечителя объ исключеніи обнесенныхъ г. Дружининымъ учениковъ, изъ которыхъ «одного вообще и не было въ школѣ, одинъ самъ уволился, а три другіе послѣ обещанія ихъ г. инспекторомъ, — который самъ ни разу не присутствовалъ въ засѣданіяхъ совѣта школы, — отличались хорошимъ поведеніемъ, а одинъ выказалъ даже хорошія способности» (Записка тверск. губ. упр. о нуждахъ нар. образованія, въ Протокъ зас. губ. земства, 1880). Еще выше поставленъ бюрократическій элементъ въ народномъ образованіи по новому Положенію о нар. училищахъ 25 мая 1874 г. Но между изданіемъ этого Положенія и Инструкціей 1871 г., которой оно служить дальнѣйшимъ развитіемъ, послѣдовалъ законодательный coup de théâtre, какіе бывають только въ Россіи, при ея особенной патріархально-бюрократической формѣ самодержавія, — и на которые жаловался даже самодержавный императоръ Александръ I, называя ихъ *les surprises des oukazes* (подсовываніе указовъ) со стороны министровъ и другихъ приближенныхъ къ трону.

Мы разумѣемъ Высочайшій рескриптъ министру нар пр. 25 Декабря 1873 г.

(Окончаніе слѣдуетъ). **З. С.**

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦИИ „КОЛОКОЛА“.

V. Письмо А. И. Герцена къ Ю. О. Самарину.*)

27 Февраля 1845. Москва.

И такъ, наконецъ, отъ васъ письмо и при томъ большое, любезнѣйшій Юрій Федоровичъ, — благодарю васъ, — но не скрою, что впечатлѣніе всего письма было грустное.

Encore une étoile qui file et disparaît!

Прощайте. Идите инымъ путемъ; — мы не встрѣтимся какъ попутники, — это вѣрно. Возражать я вамъ не стану, потому что это лишнее; одинъ Хомяковъ спорить для спору; для него жизненнѣйшіе вопросы только предметы для разговора; — для меня не такъ. Замѣчу одно: на чемъ вы основываете, отталкивая отъ себя отрицаніе, — что въ немъ нѣтъ любви? Любви съ обѣихъ сторонъ (я исключаю закраины эгоистическія и скверныя съ той и другой стороны). Да, любовь сильная, плачущая, жертвующая. Мнѣ жалъ и больно, что именно вы пишете такъ; въ васъ я видѣлъ организацію далеко сильнѣйшую, нежели во всѣхъ славяноф., — исключая, можетъ, Петра Вас. (я возвращусь еще къ нему **); отдаленіе такого чловѣка, какъ

*) Это письмо, какъ и слѣдующее, было въ рукахъ послѣдниковъ Ю. О. Самарина, напечатанныхъ въ «Руси» перенеску обоимъ дѣятелей, — по обоимъ письма эти не были помѣщены въ «Руси». М. Д.

**) И. В. Кирѣвскаго. М. Д.

вы, больно, — потому что нельзя мимо васъ пройти. Вотъ вамъ мой комплиментъ. — Вы вызываете меня на борьбу. Это то и дурно, что вы хотите бороться съ другимъ личнѣмъ, а не съ другимъ фактомъ. Мнѣнія прямо противоположныя формальнымъ выраженіемъ — могутъ быть сняты высшимъ единствомъ нравственности и любви, тождествомъ дѣла — стремленіемъ въ благо. И такъ не ждите отъ меня возраженій; что я могу вамъ сказать? повторить коротко все, что высказано и поэтами, и мыслителями, и историками нашего времени, поднятъ вопросъ о чинѣ положеніи и чиноснаніи, о преданіи и надеждѣ, о правахъ прошедшаго и будущаго? — вы все это знаете, вы обо всемъ этомъ думали, читали; ну, что же я прибавлю? — Обращаясь къ личной сторонѣ вопроса, я скажу только, что вся эта противоположность не даетъ права намъ на неуваженіе другъ друга. Дайте вашу руку, — мы можемъ узнать о щечеловѣческое и хорошее другъ въ другѣ, и потому не отвернемся другъ отъ друга. — Мы не видимся болѣе съ Аксаковымъ *), но я съ тѣлой любовью вспоминаю объ немъ, хотя не могу не сказать, что его односторонность, вѣчно повтореніе одного и того же свидѣтельствуеетъ о недостаткѣ объема его мысли. Теперь позвольте (основываясь на томъ же правѣ искренней рѣчи, о которомъ вы пишете) вамъ сказать нѣсколько словъ о Славянской партіи. Съ каждымъ днемъ грузится она въ жалкую, ненавистную и готовую преслѣдовать односторонность. Наконецъ ея дѣйствія увидѣла публика и общественный голосъ осудилъ ее. Я говорю о диссертациі Грановскаго. Рядъ гнусныхъ продѣлокъ предшествовалъ диспуту, наконецъ, на диспутѣ явился Бодянский — дерзко, недликатно, съ оскорбленіями и колкостями; его проводили шикашемъ, а равно и Шевырева (который низокъ, какъ Давыдовъ; онъ это доказалъ); Грановскаго проводили страшными браво. — Теперь благородный Шевыревъ рассказываетъ, что все это было подготовлено. Всѣ Славяне (исключая Петра Вас. и Акс.) наперерывъ стараются очернить студентовъ, представить это дѣломъ уголовнымъ, Шевыревъ жаловался на это Строгонову у Васильчиковыхъ на балу. — Судите сами!

Диссертациі Гр., стихи Языкова **), — ноль опанизма и вліянія Хомякова, — заставляютъ меня окончательно пожертвовать всѣмъ личнымъ снотеніемъ. Жаль мнѣ Ивана Вас., по ту l'a voulu, G. Dandin, — у него по Средамъ теперь и Глинка, и М. Дмитріевъ. Раздраженное самолюбіе, сознание своего безсилія, инканы, — все это вмѣстѣ окончательно сорвало личину съ хваленной Славянской любви. Никогда никто изъ насъ не прибѣгалъ къ такимъ средствамъ и не говорилъ такихъ вещей, какія я слышалъ въ послѣднее время. И потому пишу вамъ объ этомъ, что вашъ братецъ сказалъ мнѣ, что оказалъ вѣрную, хочу пользоваться ею, чтобы предупредить слухи, которые могутъ дойти. — Петръ Вас. далеко благороднѣе; это тригическое лицо; онъ сочетаетъ неразрывно жизнь свою съ былымъ, онъ видитъ все, о чемъ я писалъ вамъ, — и это было возро-

*) Константинъ Сергѣевичемъ. М. Д.

**) Противъ личностей «западниковъ». М. Д.

денное въ немъ, бичуется не только обстоятельствами, но даже людьми, дѣлящими его воззрѣніе. — А еслибъ вы видѣли благородную кротость, самоотверженіе (да, въ этомъ высое сомоотверженіе публично умѣть съ кротостью принять наглую дерзость, кабацкой тонъ) Грановскаго, вы согласились бы, что любовь совмѣстима и не съ вашимъ воззрѣніемъ.

— Можетъ, они интригами и вздуютъ изъ этого дѣло, можетъ, Гр. долженъ будетъ оставить Унверситетъ. Я не завидую имъ въ этой побѣдѣ! — Благородно держите себя семейство Дм. Ник. въ этихъ передрыгахъ. Кат. Ал. перестала ѣздить къ поэту—демоніатору. Почтенный Вигель ѣздитъ вездѣ и читаетъ до сихъ поръ блестящіе стихи. У «Москвитянина» 400 съ чѣмъ то подписчиковъ. Вотъ вамъ все, что дѣлается въ Москвѣ, да при томъ честное слово, что я не старался представить хуже, чернѣе. —

Прощайте, вы меня очень одолжите, доставивши приложенную записку Кетчеру, если вы знаете, гдѣ онъ живетъ, или его брату въ Медицинскій Д-тъ. Но только позвольте васъ просить сдѣлать это лично или черезъ вѣрнаго человѣка, буде же затруднить васъ эта просьба—сожгите ее.

Весь вашъ А. Г.

Р. С. Письмо къ Кетчеру посылаю особо именно съ (зачеркнуто). Прощайте.

44 годъ ниже 45, хотя и веселѣе былъ.

VI. Письмо Ю. О. Самарина къ А. И. Герцену.

Москва, Май 9, 1858.

Прежде всего, обнимаю Васъ искренно и крѣпко жму Вамъ руку. Спасибо Вамъ за многое. Дѣло Ваше начатое займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. «Колоколъ» — это теперь единственный голосъ, къ которому прислушивается правительство. Оно справляется съ нимъ, какъ порядочный человѣкъ справляется съ своею совѣстью. «Колоколъ» заботится для правительства совѣтъ, которой (ему) по штату не полагается, и общественное мнѣніе, которымъ (оно) пренебрегаетъ. Вы теперь, по своему положенію, пользуетесь монополиею свободнаго слова. Вы можете говорить все, а возражать Вамъ никто не можетъ. — Это такая же привилегія, какъ та, которою пользуются казенныя изданія; вся разница въ Вашу пользу. Печатный листъ, выходящій подъ фирмою двуглаваго орла, заподозрѣвается общественнымъ мнѣніемъ ради одной этой вывески. Напротивъ запрещеніе, наложенное на изданіе, располагаетъ читателей къ сочувствію и довѣрію. Поэтому отъ Васъ болѣе чѣмъ отъ кого либо мы въ правѣ требовать безпристрастія, правдивости и строгой добросовѣстности. Я увѣренъ, что вы признаете законность этого требованія и можете его выполнить; иначе я не сталъ бы писать къ Вамъ этого письма.

Къ дѣлу.

Въ предисловіи къ запискамъ Даниковой и въ другихъ Вашихъ изданіяхъ, вы не разъ называли Незабвеннаго главою такъ называемыхъ славянофиловъ или старовѣровъ — что по Вашему одно и то же, а насъ друзьями его и сознательными поборниками его системы.

Я согласенъ, что слить выѣстъ Николая

съ славянофильскою партіею и приготовить публику видѣть и ненавидѣть въ ихъ проявленіи одного принципа можетъ быть не бесполезно для успѣха противной партіи; но такъ какъ это не правда, то пора бы бросить это оружіе. — Именно Вамъ неприлично употреблять его. Николай глава и покровитель славянофиловъ! Свой человѣкъ! Нечего сказать: очень онъ былъ добръ для насъ и много мы отъ него видѣли ласки. Переберите въ своей памяти исторію каждаго изъ насъ, начиная хотя съ 1847 года. Чижева жандармъ схватилъ на границѣ и повезъ къ Дунельту; отсюда его выпустили, запретивъ ему печатать чтобы то ни было*). Иванъ Аксаковъ сидѣлъ въ III-мъ отдѣленіи; потомъ, послѣ службы своей въ ополченіи, обойденъ былъ чиномъ, на который онъ имѣлъ право по закону, благодаря стараніямъ просвѣщеннаго человѣка, гр. С. Г. Строгонова, который указывалъ на него какъ на вреднаго человѣка, развращающаго ратниковъ. Я сидѣлъ въ крѣпости и отсюда посланъ былъ на исправленіе къ Вибинову въ Кіевъ**). Наше изданіе, Московскій сборникъ, было запрещено. Съ Кирѣевскихъ, Хомякова, Аксаковыхъ взята подписка ничего не печатать, помимо главной цензурной инквизиціи, что, какъ Вамъ извѣстно, равняется безусловному запрещенію печатать. По цензурному вѣдомству и по III отдѣленію вышло болѣе 10 циркулировъ, въ которыхъ славянофилы выставляются какъ опаснѣйшіе враги правительства. Между тѣмъ, «Отеч. Записки» и «Современникъ» издавались безъ перерывовъ, очень свободно; вы въ нихъ печатали «Кто виноватъ» и «Письма объ изученіи природы»; Вѣстникъ проповѣдывалъ социализмъ и никто его не трогалъ. Грановскій и Кудрявцевъ читали лекціи до самой своей кончины;

*) Впрочемъ, только безъ цензуры III отдѣленія. (См. письмо Чижева въ «Кіевской Старинѣ» 1853, III, 850). М. Д.

**) Печатно, Самаринъ рассказываетъ въ 1867 г. эту исторію слѣдующимъ образомъ: «Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, пробывъ безъ малаго три года въ Ригѣ, я набросалъ на бумагу, въ формѣ писемъ, выводы изъ моихъ изслѣдованій о прошедшихъ судьбахъ того (Остзейскаго) края и моихъ наблюденій о тогдашнемъ его положеніи. Все это было незрѣло, писано съ плеча, подъ влияніемъ раздражительныхъ впечатлѣній и свойственной молодости дурной привычки тыкать правдою прямо въ глаза. Словомъ: по тогдашнимъ понятіямъ, это была непростительная дерзость, и покойный Государь, до свѣдѣнія котораго добрые люди довели мою рукопись, продержавъ меня нѣсколько дней въ крѣпости, поступилъ со мною (опять такъ по тогдашнимъ понятіямъ) снисходительно и даже милостиво. Недавно опредѣлившійся на службу титулярный совѣтникъ, осмѣлившійся, не будучи къ тому призванъ своимъ начальствомъ, произнести осужденіе дѣйствій вышенаго управленія, не могъ пазбыгнуть наказанія; но, по крайней мѣрѣ, искренно и намѣреніи провинившагося остались незаподозрѣнными. Едва ли нужно прибавлять, что я вполнѣ теперь объ этомъ давно прошедшемъ времени не только безъ горечи, но и безъ сожалѣнія. Напротивъ: я благодаренъ судьбѣ, доставившей мнѣ случай видѣть покойнаго Императора съ глазу на глазъ, слышать примудренную рѣчь его и внести въ память, изъ кратковременнаго съ нимъ свиданія, образъ историческаго лица, неожиданно передо мною явившагося, въ строгой и благородной простотѣ своего обаятельнаго величія...» (Окраины Россіи. Вып. I, 1—2). Недавно съ такою же благодарностью говорилъ о своей легкой карѣ (временной высылкѣ въ деревню за рѣчи въ славянскомъ комитетѣ) другой «славянинъ», Н. С. Аксаковъ. М. Д.

Коршъ издавалъ «Московскія Вѣдомости» подъ двуглавымъ орломъ; Яшевскій получилъ кафедру, Чичеринъ получилъ, когда захочетъ, Кавелинъ — въ добрый часъ будь сказано, — читаетъ лекціи будущему императору.... Скажите на радость, кто же во авантажѣ обрѣтался, говоря языкомъ Петра I? По крайней, если мы были друзьями и союзниками Незабвеннаго, то согласитесь, что мы испустили скрывали свою дружбу, чѣмъ Ваши свою вражду къ нему. Или, можетъ быть, Ваши превозпи нашихъ змѣиною мудростью? — Можетъ быть, но вѣдь вы бьете не на то*). — Знаете ли что? Ваши друзья, здѣсь, въ Россіи, давно откинули это старое обвиненіе въ сочувствіи съ деспотизмомъ, котораго нелѣпость мечется въ глаза; они теперь начинаютъ понимать, во первыхъ, что тотъ не можетъ быть на сторонѣ правительства, кто ожидаетъ возрожденія земли не отъ чиновниковъ и даже не отъ ученаго цеха, не отъ административныхъ распоряженій и не отъ теорій, а отъ подъема народной стихіи, сдавленной и обитой съ коленъ историческаго развитія; во вторыхъ, что анти-христіанское начало, революціонный матеріализмъ въ наукѣ и въ жизни, не прививается къ нашей народной стихіи, тогда какъ онъ удивительно разрастается на почвѣ правительства и прижиму-

*) Въ словахъ Самарина встрѣчаемъ одинъ изъ обычныхъ аргументовъ моск. славянофиловъ и ихъ союзниковъ, который въ послѣднее время не разъ повторялся и въ печати. Не смотря на свое «любовное» отношеніе къ власти свѣтской и церковной въ Россіи, моск. славянофилы любятъ говорить о «мученіяхъ», какія они потерпѣли за свое свободомысліе, а равно и о томъ, что будто бы власть эта относилась не только снисходительно, но даже съ покровительствомъ къ представителямъ западнаго «отрицанія», даже въ формѣ «цигизмизма». Но, напр., Самаринъ въ письмѣ своемъ страннымъ образомъ забылъ исторію Чаадаева, запрещеніе журналовъ Надеждина и Поговаго, самаго «Европейца» Н. В. Кирѣевскаго, котораго въ этомъ журналѣ еще надо считать скорѣе «западникомъ», чѣмъ «славянофиломъ». Странно, что Самаринъ не знаетъ и о «любозныхъ» запискахъ Дуббелета къ Вѣстнику, не задолго перелѣ смертю послѣдняго. Что до болѣе поздняго времени, то одна исторія «Современника» перефразируетъ всѣ «мученія» моск. славянофильскихъ органовъ. — Но дѣйствительно нѣкоторые частности какъ будто говорятъ въ пользу претензій м. славянофиловъ. «Власть» дѣйствительно была подозрительна и придирчива къ нимъ, тогда какъ по-временамъ попускала «отрицанію». Это объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что м. славянофилы, по своему состоянію люди «свѣта» (du monde), одного круга съ представителями власти. Вотъ почему даже ихъ легкое поношеніе властью, болѣе задѣваетъ послѣднихъ. Но уже и по этой принадлежности славянофиловъ къ свѣту, а особенно потому, что они все такъ всегда относились къ власти съ «любовію» и при этомъ даже, говоря чрезвычайно меткимъ словомъ Герцена, гораздо охотнѣе вступаютъ въ борьбу съ другимъ мнѣніемъ, нежели съ другимъ (правительственнымъ) фактомъ, то власть, даже карая ихъ, была милостива къ такимъ грѣшникамъ. «Отрицаніе» же всегда въ Россіи было болѣе разночинскимъ; оттого властные сферы во временамъ и не замѣчали грѣховъ апостоловъ «отрицанія», но разъ замѣчали, то карали ихъ не «обходомъ чиномъ», а по существу. Что касается до дальнѣйшихъ замѣчаній письма Самарина, — то, признавая, что оно вообще знаменуетъ апогей м. славянофильскаго либерализма, мы считаемъ нелишнимъ напомнить о томъ, какъ въ непродолжительномъ времени сошлись между собою эпгоны славянофильства съ западниками — бюрократами въ поддержкѣ «административнаго разгрома власти» противъ болѣе послѣдовательныхъ и младшихъ западниковъ-отрицателей. М. Д.

шихъ къ нему сословіи, въ третьихъ, что по этой причинѣ самая натянутая централизція составляетъ первое условіе для развитія этого начала, или вообще прогресса (какъ понимаютъ его послѣдовательные западники), а спасіе сверху во имя просвѣщенія—единственное успѣшное средство; въ четвертыхъ, что дѣло науки, играющей не послѣднюю роль въ этомъ движеніи добить теперь послѣднюю вѣру въ самосущность Русской земли, доказать, что народныя массы, лежація въ историческомъ движеніи, ничто болѣе какъ вещество, тогда какъ мысль и воля олицетворяются въ правительствѣ и въ высшихъ сословіяхъ; наконецъ, что между правительствомъ и народомъ нѣтъ разобщенія и быть его не можетъ, какъ нѣтъ его между художникомъ и глиною, изъ которой онъ лѣпнѣтъ.

Когда нибудь, на досугѣ, пересмотрите изданія Вашихъ друзей; Вы вездѣ наткнетесь на эти темы. Чпчеринъ возьмется доказать Вамъ, что Русская Община избрѣтена верховной властью для фискальскихъ цѣлей (о сельской общинѣ въ 3 и 4-ой книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1856 г. и книга объ областныхъ учрежденіяхъ); отъ него же Вы услышите, что раздѣленіе между народомъ и государствомъ составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ изобрѣтеній «Русской Бесѣды» («Р. Вѣстникъ» 1857 г., книга 16, стр. 733). А любопытны Вы знаете, какъ относятся у насъ правительство къ народу, какого рода гармонія между ними существуетъ,—это Вамъ объяснитъ г. Соловьевъ: все что было лучшаго въ Россіи пошло за Петромъ, а на долю народа осталось безсмыслие смысла передъ подавляющею силою привычки («Русск. Вѣстникъ» 1856 г., № 1, о древней Руси 1857 г., № 8, о Шлегелѣ). Не хотите ли Вы сдѣлать изъ этихъ послылокъ практическій выводъ? Вамъ поможетъ г. Корни: «если исторія показываетъ намъ на каждомъ шагѣ, что внутреннее воздѣйствіе по большей части ждетъ вѣшняго побужденія, то нечего сѣтовать, что въ Индіи англійскій солдатъ, а въ Сиріи австрійскій жандармъ являются орудіями образованности (Атеней № 1). Понимаете ли, что все это сводится къ одному: въ Россіи живетъ, развивается, движется впередъ правительство и сословія къ нему прижимутившія; народъ только укоротуется, но разумнаго и правомѣрнаго сопротивленія съ его стороны нѣтъ; такъ почему же бы правительству не употребить и принудительныхъ мѣръ?—Я имѣю доказательства (въ послѣднихъ Вашихъ сочиненіяхъ) что Вы далеко не раздѣляете этого взгляда; но вопросъ не въ томъ, вѣрны ли онъ, или нѣтъ, а которое изъ двухъ учений сочувствуетъ правительству, которое болѣе благопріятствуетъ административному разгулу власти, ученіе славянофиловъ или ученіе ихъ противниковъ?

Выслушайте еще объясненіе по предмету, касающемуся меня лично. Въ 1847 году и напечаталъ въ «Москвитинѣ» статью, въ которой, между прочимъ, разбиралъ «Обозрѣніе юридическаго быта древней Руси» Кавелина. Онъ выводилъ идею общества изъ личной автономіи, изъ личности, ставящей себя началомъ и мѣриломъ

всего. Вотъ его слова: «развивши начало личности до нельзя, Европа стремится дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ чело-вѣку и пересоздать все общество». Я доказалъ, что дойти до идеи чело-вѣка путемъ исчерпыванія личностей также не возможно, какъ дойти до идеи цѣлаго переборомъ единицъ; что, поддаваясь утомленію или уступая необходимости, личность ограничиваетъ себя въ пользу самой себя, т. е. ставитъ или допускаетъ общество, какъ средство удобное для достиженія ея личныхъ цѣлей и слѣдовательно всегда подчиненное имъ. — Этимъ путемъ возникаетъ условная искусственная ассоціація, осужденная исторіею, но нельзя вывести обязательнаго закона общестія. Я спрашивалъ: «какимъ образомъ начало разобщающее (личность) обратится въ противоположное начало примиренія и единенія?».

Находясь въ Ригѣ во время печатанія моей статьи, я, разумеется, не могъ держать корректуры. Статья моя вышла съ ужаснѣйшими опечатками, между прочимъ, послѣдняя фраза, мною сейчасъ цитированная, вышла въ такомъ видѣ: «Какимъ образомъ начало разобщающее обратится въ противоположное начало припженія и единенія». Слово припженіе не русское и трудно было предположить, чтобы грамотный чело-вѣкъ могъ употребить его.

Опечатки были очевидны, но Кавелину благоугодно было, вмѣсто того чтобы представить серьезное возраженіе, выѣхать на опечаткѣ и заявить съ пропѣю, что онъ не можетъ сочувствовать теоріи припженія. Цѣль достигнута; мысль противника искажена, благородство намѣреній его заподозрѣно, публика смѣется, студенты рукоплещутъ любимому профессору и выносятъ убѣжденіе, что противникъ его проповѣдуетъ рабство, низость, подлость. Чего же лучше? съ тѣхъ поръ пошла ходить по свѣту припжающая личность и Вы въ послѣдней книжкѣ «Полярной Звѣзды» не усомнились, говоря о славянофилахъ, употребить выраженіе: «ихъ припжающаяся личность»! Скажите сами, поступаютъ ли такъ въ честной борьбѣ?

Говорить ли о Вашихъ портретахъ? Передъ Полевымъ, Бѣлинскимъ, Галаховымъ, Вами созданными, невольно приходитъ на память восклицаніе Донъ-Жуана (у Пушкина) передъ статуей Командора:

«Какія плечи! Что за Геркулесъ!

«А самъ покойникъ малъ былъ и щедушент!» *)

*) Приложение этихъ стиховъ къ Бѣлинскому, которое, конечно, удивитъ всякаго образованнаго русскаго, можетъ быть объяснено только кружковою нетерпимостью. Бѣлинскій же въ одномъ письмѣ къ Герцену (Одесса, 1846, Юли 4), до сихъ поръ не напечатанномъ вполнѣ, выражается о Самаринѣ такъ: «Въ Харьковѣ я прочелъ «Московский сборникъ»: лулю и нарываю объ немъ. Статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, не смотря на то, что авторъ отправляется отъ не-благопріятнаго принципа кротости и смиренія и, подлецъ, зацѣпляетъ меня въ лицѣ О. З. Какъ умно и зло казнить онъ аристократическія замашки Саллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ чело-вѣкомъ, будучи славянофиломъ. За то Хомяковъ,—я жъ его ракалию! Дамъ я ему зацѣплять меня — узнаетъ онъ мои кулачки. Ну ужъ статья! Вотъ бѣсталаный-то ёрникъ! Потѣшусь, чувствую, что потѣ-

Впрочемъ, съ этимъ легко мирится воз-
решное чувство. Идеализація не мѣшаетъ
сходству и придаетъ смыслъ изображенію;
но зачѣмъ Вы мѣрите друзей своихъ однимъ
аршиномъ, а vos amis les ennemis другимъ?
Неужели Вы этого не сознаете? —

Бѣлинскій когда то выразился такъ:
«Мать святая гильотина!» и Вы приходите
въ восторгъ. Что за широкая и мощная па-
тура! — Погодите заявлять всю жизнь
свою ненависть къ аристократіи—«что за о-
граниченность! Въ Россіи толковать объ ари-
стократіи», и т. д. —

А что Вы сдѣлали изъ Хомякова? Попро-
сите себя въ минуту душевнаго спокойствія
и скажите: можете ли Вы добросовѣстно не
чувствовать и не цѣнить въ немъ глубины
убѣжденія, выдержаннаго во всей его жи-
зни? А Вы изъ него сдѣлали бретера и хо-
хотуна! То есть Вы поставили ему въ вину без-
ружнующую простоту его обращенія, полное от-
сутствіе натяжки, театральности, эффектовъ.
Зачѣмъ онъ не рисуется, не хмуритъ бро-
вей, не отпускаетъ отточенныхъ и на дос-
гѣ придуманныхъ фразъ, зачѣмъ говорить
со всѣми, а не съ одними избранными! Это
похоже на то, какъ нѣкоторые у насъ въ
старину, называли Гоголя балагуромъ, потому
что онъ писалъ все болѣе смѣльное. Не
найти сказать про Хомякова ничего болѣе,
какъ то, что онъ охотиникъ спорить и все
смѣется, что также вѣрно характеризуетъ и
(здѣсь въ подлинномъ бѣлое мѣсто) чело-
вѣка, какъ еслибъ кто нибудь сказалъ про
Грановскаго, что это былъ господинъ, бы-
бывшій дружескія попойки и игру въ лоты.
Предоставьте этого рода сужденіе членамъ
нашихъ клубовъ и первымъ четыремъ клас-
самъ.

Въ послѣдніе годы Вы далеко подвину-
лись впередъ и Вы, конечно, сами вполнѣ
сознаете, что послѣдніе результаты, къ ко-
торымъ Вы пришли не только не разобщили,
а напротивъ сблизили Васъ съ нами. Это
очевидно для всякаго и очень естественно.

Тотъ порядокъ вещей, съ которымъ сва-
заны Ваши сочувствія и надежды, свобода
слова, гласность, новыя начала обществен-
ности, прерванные попытки преобразованія
— это все въ большей части западной Ев-
ропы сдѣлалось старинною и Вы ожида-
ющие, что эта старина воскреснетъ, отно-
ситесь теперь къ современной Франціи, Ав-
стріи и Италіи почти такъ же, какъ относи-
лся Петръ Васильевичъ Кирѣевскій къ до-
петровской Руси, а какой нибудь М. Grati-
er de Cassagnac поглядываетъ на Васъ съ
тѣмъ же состраданіемъ къ Вашимъ анти-
историческимъ стремленіямъ и къ Вашему
упорному косненію въ ста-
рыхъ предразсудахъ, съ какимы здѣсь
смотритъ на насъ die gelehrte Zunft — Со-
ловьевы, Леонтьевы, Яшевские и Корни. Но
вотъ что странно. Въ послѣднихъ сочинені-
яхъ Вашихъ замѣтки какъ бы двѣ пересѣ-
кающіяся струи, или двѣ полосы. Съ одной

шусь!» Замѣчательно совпаденіе многихъ въ
отношеніи къ Хомякову, котораго даю въ письмѣ
своимъ защищающъ Самаринъ; такъ и въ письмѣ
Мельгунова къ Герцену встрѣчаемъ о Хомяковѣ,
какъ ты знаешь, онъ мастеръ лить пули и даже
выдумалъ ружье, которое хватало втрое даль-
ше. Миньонъ. Оказалось, что и ружье пуля. М. Д.

стороны разворачивается перед читателем въ послѣдовательномъ движеніи живая мысль, умудренная историческимъ опытомъ послѣднихъ годовъ; съ другой, раздаются какіе то давно затверженные мотивы, повторяемые по старой привычкѣ, но безъ всякой повѣрки, безъ участія Вашего теперешняго сознания.

Вы не вѣрите въ Бога; по крайней мѣрѣ Вы думаете, что Вы въ него не вѣрите, а между тѣмъ ссылаются же у Васъ съ языкомъ выраженія подобныя этимъ: не дай Богъ, слава Богу и т. п.

Точно также повторяете Вы сужденія и насмѣшки, принадлежащія къ московскому періоду Вашего развитія, которыя при теперешнемъ Вашемъ образѣ мыслей падаютъ на Вашу голову. Въ превосходномъ разборѣ книги Корфа, я читаю вотъ что «настала пауза (царствованіе Николая) долгая, мучительная, потратившая все наше поколѣніе и еще одно. Эта задержка, эта остановка дыханія, нравственное недоумѣніе мало по малу стало разрѣшаться въ мысль, что стихія развитія надобно искать въ самомъ народѣ, а не въ перенесеніи чужихъ формъ». — Любопытно бы однако было узнать, кто были органами этой мысли? Не Полевой ли, не Бѣлинскій ли, не «Отечественныя Записки» и «Современникъ»? — Далѣе: «на своей болыничной койкѣ, Европа, какъ бы исповѣдуясь, или завѣщая послѣднюю тайну скорби ея поздно приобрѣтенную, указываетъ какъ единственный путь спасенія именно на тѣ элементы, которые сильно и глубоко лежатъ въ народномъ характерѣ и при томъ не одной петровской Россіи, а всей Русской Россіи, потому мы думаемъ, что у насъ развитіе пойдетъ инымъ путемъ». —

Я искренно обрадовался, прочитавъ тѣ строки и Вы сейчасъ поймете почему. Въ 1854 году, вотъ что было напечатано мною въ «Москвитинѣ»: «борьба Романскаго начала съ Германскимъ, авторитета съ свободой, католичества съ протестантствомъ окончена, но не разрѣшена; силы истощены и цѣль не достигнута. Западный міръ пришелъ къ убѣжденію въ несостоятельности того и другого начала и выражаетъ теперь потребность ихъ примиренія въ живой органической общинѣ. Это требованіе совпадаетъ съ нашею народною субстанціею; въ отвѣтъ на западную формулу мы приносимъ живой бытъ и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною». — Согласитесь, что моя мысль довольно сходна съ Вашей; между тѣмъ, разбирая въ одной изъ Вашихъ брошюръ мою статью, надъ которой, во время оно, издѣвались Бѣлинскій и Кавелинъ, Вы не преминули выставить ихъ защитникамъ прогресса, а меня поборникомъ косиѣнія, неподвижности и т. д. Почему? Потому что, когда то, давно, въ Москвѣ, съ именами Хомякова, Аксакова, Самарина связывались всѣ эти прилагательныя и Вы продолжаете ихъ бранить, не замѣчая, что повторяете отъ себя ихъ слова. Вы сравниваете Европу съ болынымъ, издыхающимъ на своей койкѣ, — Вы увѣряете, говоря о западныхъ людяхъ, «что въ этой упрямой упорности и непроницаемомъ непониманіи такъ и стучится головой о предѣлы?! міра завершеннаго и т. д.» Тому назадъ лѣтъ десять, Хомяковъ и Ки-

рѣевскіе развивали ту мысль, что мы можемъ и должны заимствовать отъ западной Европы всевозможныя матеріальныя ея богатства и приобрѣтенія, весь фактический запасъ знанія, накопленный вѣками; но что Европа не можетъ быть для насъ ни образцомъ, ни идеаломъ для подражанія, потому что въ ней самой нѣтъ той полноты и цѣльности внутренняго убѣжденія, въ которой заключается сила историческаго творчества. Эта сила въ ней изсякла.

И такъ разнища между Вами и ими состоитъ въ томъ, что они усмотрѣли болѣзнь наканунѣ того дня, когда больнаго отвели въ лазаретъ, а Вы на другой день. И послѣ того Вы продолжаете (въ послѣднемъ №-рѣ «Полярной Звѣзды») ставить имъ въ вину ихъ дикую ненависть къ Западу. Вѣдь ужъ теперь Вы должны понимать, что то, что казалось Вамъ дикою ненавистью было просто признаніемъ факта, въ которомъ и Вы теперь убѣдились. Но еще тогда говорятъ Ваши сотрудники! Въ 8-мъ листѣ «Колокола» помѣщена статья о крестьянской общинѣ. Изъ нея видно, что авторъ очень неясно понимаетъ предметъ статьи; но не объ этомъ рѣчь.

Любопытная аргументація: противники общины говорятъ, что это младенческая форма, начальная ступень, черезъ которую прошли всѣ западные народы и отъ которой они оторвались, которую они отвергли, изъ чего слѣдуетъ, что она не совместна съ дальнѣйшимъ историческимъ развитіемъ. Это вовсе не доказательство, говоритъ авторъ статьи, мало ли что пропадаетъ въ жизни народовъ, вслѣдствіе вышнихъ причинъ, павиль и т. п. Надобно бы доказать, что западные народы сознательно и добровольно отреклись отъ общины, а этого то и нельзя доказать. —

И такъ въ жизни не только одного народа, но цѣлой группы народовъ, цѣлаго міра, торжество одного начала падъ другимъ, вовсе не служить еще доказательствомъ превосходства побѣдившаго надъ побѣжденнымъ; ными словами: настоящій историческій моментъ можетъ и не заключать въ себѣ всего смысла, всѣхъ зачатковъ, предшествовавшихъ моменту; можетъ быть, въ нихъ лежатъ такіе сѣмена, только временно подавленные, которымъ суждено еще прорости въ будущемъ. — Сжальтесь; да мы цѣлыхъ 20 лѣтъ твердили это, говоря о древней и петровской Руси и Вы же и всѣ Ваши браните насъ за старовѣрство и т. д. И въ этой же статьѣ, авторъ позволилъ себѣ, говоря объ насъ, употребить вотъ какія выраженія: «находясь въ направленіи равно безумнаго и преступнаго обратнаго шествія, они видятъ будущность позади, смотря впередъ затылкомъ». Гдѣ жъ тутъ логика, здравый смыслъ, литературная честность? А еще авторъ (Огаревъ?) застываетъ за общину! Любопытно бы было спросить его: кто отстоялъ ее въ наукѣ, безумцы и преступники или его друзья, и что бы, по его мнѣнію, сдѣлалось съ нашею общиною, если бы, тому назадъ лѣтъ пять, исполнительная власть попала въ руки умниковъ и законниковъ — Бѣлинскаго, Кавелина и пр.?) Я еще

*) Г. Кавелинъ, какъ извѣстно, стоитъ за общину. М. Д.

падѣюсь дожить до того времени, когда насъ потянутъ къ отвѣту, зачѣмъ мы не умѣли угадать и оцѣнить древнюю сельскую нашу общину, въ то время какъ за нее распинался Грановскій, Чпчеринъ и Бѣлинскій.

Вы, конечно, понимаете, что я прошу у Васъ только того, чего каждый въ правѣ ожидать отъ другого, — вниманія къ чужому мнѣнію и справедливости. Смѣшно бы было, еслибъ я вздумалъ увѣрять Васъ въ единомыслии. Признавая съ радостью, что мы во многомъ сблизились, я очень хорошо знаю, — что неприсутняя черта межъ нами есть. Вы стремитесь къ послѣдствіямъ и отворачиваетесь отъ начала; Вы дорожите примѣненіемъ, а не хотите слышать про силу. Вы требуете общности въ устройствѣ собственности, въ организаціи промышленности, кредита и т. д., но Вы не видите что всякая община предполагаетъ обязательное и свободное, но не произвольное самоотреченіе лица въ пользу общественнаго союза, что законъ можетъ претендовать на обязательность только во имя правственнаго долга, а что чувство долга и сознание нравственнаго и безнравственнаго также немислимо безъ религіозной основы, какъ нельзя себѣ представить вещество паполняющимъ пространство, которому нѣтъ предѣловъ, и посящимся въ пространствѣ, въ которомъ нѣтъ пустоты, — чему Вы учите молодыхъ людей... Но довольно, не заводите же спора между Москвою и Лондономъ. А много бы я далъ, чтобы провести съ Вами съ глазу на глазъ нѣсколько вечеровъ. Обогномъ и обогномъ хотѣлось бы Васъ распросить и Вамъ пересказать. Но теперь моя поѣздка за-границу, давно замышленная, отложена на долго. Я назначенъ отъ правительства депутатомъ въ крестьянскій комитетъ по Саратовской губерніи. На дняхъ ѣду туда. Предчувствую ожесточенную борьбу, такую борьбу, въ которой всякаго рода оружіе, можетъ быть и кулаки, пойдутъ въ дѣло. Пожелайте жъ мнѣ успѣха. Крѣпко обнимаю Васъ съ полнымъ уваженіемъ и искреннымъ сочувствіемъ.

Юрій Самаринъ.

Р. С. Кстати, я послалъ Вамъ съ лишкомъ годъ тому назадъ четыре статьи для голосовъ изъ Россіи: 1) болышую записку о мерзости крѣпостнаго права и объ упраздненіи его, писанную въ 1854 г. 2) Статью подъ заглавіемъ: Чему мы должны научиться? — писанную послѣ Парижскаго мира. 3) Письмо къ ген. Людерсу, по поводу его приказа, даннаго арміи о томъ, чтобы офицеры не поднимали на смѣхъ ратниковъ ополченія. 4) Статью о вліяніи одежды на общественный бытъ. Отчего Вы ничего не напечатали? Теперь позвольте Вамъ дать совѣтъ. Вы вѣроятно знаете, что Ростовцевъ страшно идетъ въ гору. Онъ уже почти управляетъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, крестьянскій вопросъ въ его рукахъ и начинающаяся реакція какъ по эмансипаціи, такъ и по цензурѣ идетъ главнѣйшимъ образомъ отъ него. Это вреднѣйшая и опаснѣйшая скотина, потому что онъ, и онъ одинъ, обладаетъ страшнымъ іезуитизмомъ. Необходимо нанести ему сильный ударъ и лучше этого сдѣлать нельзя, какъ раз-

боромъ его печатной инструкціи о преподаваніи и воспитаніи въ кадетскихъ корпусахъ. Въ ней, между прочимъ, буквально сказано, что совѣсть нужна человѣку въ частномъ, домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ воля начальства. Разберите подробно это образцовое произведение Лойолы-фельдфебеля. Никто не сдѣлаетъ этого, какъ Вы *). Но только, ради Бога, не упоминайте объ участіи его въ дѣлѣ 14-го Декабря; это выйдетъ ему въ заслугу, а его нужно убить; далѣе, не бранитесь, а разбирайте какъ можно спокойно, устранивъ Ваши политическія убѣжденія; наконецъ, бросьте Незабвеннаго и не браните его. Это оскорбляетъ государя. Нужно чтобы вслѣдъ за Вами всякій здравомыслящій и честный человѣкъ могъ подписать приговоръ Вашъ Ростовцеву, не приобщаясь ни къ какой политической партіи, не становясь подъ Ваше знамя, не навлекая на себя подозрѣнія, что дескать это говорить и того добиваются только кра с н ы е .

ПИСЬМА О ПОЛИТИКО-СОЦІАЛЬНЫХЪ ПАРТІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

Союзы рабочихъ и социалистическія франціи.

Х.

(Продолженіе).

Сколько нибудь откровенно выступили на марсельскомъ конгрессѣ коллективисты-революціонеры государственнаго направленія въ вопросахъ объ образованіи, а также о собственности. По первому вопросу Фоме, делегатъ отъ Groupes socialistes indépendants de Paris, произнесъ длинную рѣчь, въ которой старался доказать, что никакое образованіе, при настоящихъ социально-экономическихъ условіяхъ, не возможно. А если бы оно было возможно, то оно принесло бы нѣтъ пользы только для буржуазіи, а отнюдь не для рабочихъ. «Свѣтское даровое и обязательное обученіе, говоритъ Фоме, до тѣхъ поръ не будетъ и не можетъ быть введено, пока рабочіе не будутъ владѣть коллективно землей, орудіями труда, желѣзными дорогами, каналами, и пр. и пр. Мирнымъ путемъ этого достигнуть нельзя; наука и исторія подтверждаютъ намъ, что мы можемъ этого достигнуть только посредствомъ матеріальной силы, т. е. посредствомъ социальной революціи».

На это Воніу, делегатъ парижскаго синдиката новоземцевъ, ирающій въ настоящее время не послѣднюю роль между коллективистами-федералистами въ Парижѣ, отвѣтилъ длинной рѣчью, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующія строки: «Вѣдь тѣмъ, которые желаютъ освободить человечество изъ подъ ига, въ которомъ оно находится, я долженъ сказать: развивайте интеллектуальныя способности у пролетаріата, ибо для достиженія социальной революціи всѣ средства окажутся ничтожными, если они нацѣлены на неволю, эту язву бѣдности и пролетаріата. Поэтому я требую дароваго, обязательнаго и свѣтскаго первоначальнаго образованія». Конгрессъ вотировалъ по этому вопросу слѣдующія постанов-

ленія: 1) первоначальное обученіе должно быть обязательнымъ, даровымъ и свѣтскимъ; высшее образованіе должно быть также доступно для дѣтей рабочихъ; 2) всѣ школы принадлежатъ учащагося должны быть даровыми; 3) рабочіе синдикаты должны надзирать за народнымъ первоначальнымъ обученіемъ; 4) учрежденіе профессиональных школъ.

По вопросу о собственности первымъ высказался Фурньеръ. Изложивъ конгрессу недостатки индивидуальной собственности и доказавъ, что всѣ бѣды и несчастья рабочаго суть прямыя послѣдствія ея, Фурньеръ требовалъ, чтобы земля, орудія труда и капиталы были отданы въ руки рабочихъ. Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ: какими средствами можно этого достигнуть? «До сихъ поръ, говоритъ онъ, существовало для этого только два средства: кооперация и революція. Сами рабочіе путемъ опыта убѣдились въ несостоятельности перваго средства. Слѣдовательно, остается одно—революція. Будьте увѣрены, что если бы существовало другое болѣе пригодное, то парижскій пролетаріатъ первый ухватился бы за него. Къ тому же неумолимая исторія говоритъ за насъ и доказываетъ намъ, что 24 часа революціи намъ доставляли болѣе, чѣмъ 100 лѣтъ мирнаго прогресса. Не думайте, впрочемъ, прибавляетъ ораторъ, чтобы мы желали немедленной революціи; нѣтъ! мы признаемъ для рабочаго класса необходимость воспитательнаго періода».

За Фурньеромъ выступилъ Фоме. Въ длинной рѣчи развилъ онъ отрицательную сторону индивидуальной собственности. Рѣчь его наполнена цитатами Стюарта Милля, Прудона, Гектора-Денни. Конечъ его рѣчи, восторженно патетическій, переполненный восклицаніями, вмѣщаетъ въ себѣ идеалъ его: «Вѣдь коллективной собственности нѣтъ спасенія! Безъ коллективной собственности не можетъ существовать ни народнаго образованія, ни воспитанія! Вѣдь коллективной собственности — нѣтъ личной свободы! Мы требуемъ, какъ цѣль — коллективной собственности, какъ средства къ достиженію ея — революціи».

Такія рѣчи держали гднеты по вопросу о собственности. Но эти общія положенія коллективизма не были для слушающей ихъ публики не только новы, но и не опредѣлительны. Отчего же ни Фурньеръ, ни Фоме не высказались подробнѣе о тѣхъ общественныхъ формахъ, въ какихъ, по ихъ мнѣнію, будетъ существовать коллективная собственность? Почему этотъ же самый Фурньеръ на окружномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1880 году 24 іюля, по тому же вопросу о собственности такъ ясно опредѣлялъ эти формы и въ заключеніи приводилъ, объявивъ во всеулышаніе: «Да, мы государственники; мы — враги коммунальной автономіи, коммунальной собственности, потому что эта автономія отбрасываетъ человечество назадъ въ отдаленное прошлое»? Отчего же въ Марселѣ ни онъ, ни Фоме не сказали того же самаго, не смотря на то, что Финансъ ясно развилъ въ своей рѣчи, что коллективная собственность можетъ обнимать: человечество, націю или только коммуны, ассо-

ціацію? Да потому, читатель, что они очень хорошо понимали, что, говоря предъ представителями дѣйствительныхъ рабочихъ дѣлъ провинцій Франціи, — они провалились бы и съ своимъ коллективизмомъ, если бы заявили его предъ такой публикой въ формѣ государственно-централистической, такъ какъ по причинамъ, — о которыхъ здѣсь долго было бы говорить, — теперь политическая и экономическая жизнь французскаго рабочаго населенія дѣлаетъ его сознательнымъ или безсознательнымъ децентралистомъ.

Совсѣмъ иное дѣло говорить въ Парижѣ предъ такою аудиторіей, какъ конгрессъ федераціи Центра въ 1880 году. Тамъ на 33 рабочихъ общества только 8 были рабочіе синдикаты (между тѣмъ нужно замѣтить, что въ Парижѣ въ то время было около 200 рабочихъ синдикатовъ), остальные были различные «cercles socialistes indépendants» или «cercles d'études sociales». Все это были люди свои. На марсельскомъ же конгрессѣ эти люди были передъ чужими, — имъ приходилось скрывать, педоговаривать, оговариваться. Особенно Фурньеръ, какъ человѣкъ очень не глупый, наблюдательный, къ тому же бывший актеръ, привыкъ улавливать въ слушающей его публикѣ подергиванія лицевыхъ мускуловъ, — и потому особенно ловко оговаривался, — признавая даже необходимость передъ революціей воспитательнаго періода, а въ это пахнетъ признаніемъ реформъ, нужныхъ для этого періода. (Извольте-ка въ Россіи въ настоящее время заняться воспитаніемъ народныхъ массъ!...) Фоме, менѣе смѣливый, налагалъ, въ ожиданіи революціи, запретъ даже чуть не на обученіе грамотѣ дѣтей рабочихъ, — но все же долженъ былъ скрывать свои государственно-централистическія идеи. Финансъ, защищая индивидуальную собственность, прямо затрогивалъ Фурньера и Фоме, говоря, что «декретировать коллективную собственность не возможно, ибо декретомъ нельзя дать народу способностей и чувствъ, нужныхъ для завыдыванія этой формой собственности» — но гднеты промолчали на эти зафнны. Еще деликатнѣе ихъ положеніе было во время рѣчи Ломбара, направленной цѣлкомъ на защиту коммунальной коллективной собственности. «Коммуна, говоритъ Ломбаръ, владѣя землею, орудіями труда, желѣзными дорогами, каналами и капиталами, должна отдавать ихъ въ пользованіе производительнымъ группамъ, федерирующимся между собою. Сами же коммуны должны устроить между собою федерацію свободныхъ коммунъ». Въ отвѣтъ на это гднеты не рѣшились даже сдѣлать вполнѣ резонную поправку, что есть имущества, какъ, наприм., желѣзныя дороги, каналы, телеграфы, которыя по могутъ принадлежать одной какой нибудь коммуны, а должны быть въ завѣданіи цѣлой федераціи коммунъ или націи. На коммуналистическую рѣчь Ломбара отозвался не философъ государственнаго коммунизма, а представитель рабочихъ синдикатовъ. «Да, сказалъ Дюранъ, делегатъ синдиката марсельскихъ булочниковъ, намъ нужно требовать автономіи коммуны; посредствомъ ея мы добудемъ и коллективную собственность. Посмотрите, продолжалъ онъ,

*) Желаская С.—имѣ замѣтка о Ростовцевѣ напечатана въ 29 №-рѣ «Колокола» (1 авг. 1888 г.) М. Д.